

* * *

Иногда колокольный звон напоминает
крик кукушки, и тогда, в тревожные сумерки,
к нему прислушиваешься со страхом, считаешь удары,
как если бы он мог — что-то отмерять, маркировать.
Вечером на мосту ветreno и легко. Тот же мост,
та же погода. Проходит катер и разносит
чаек на разные плоскости (чайки размечают пейзаж).
Я говорю о головокружительности этих снимков, сделанных
с новых
точек (падения?), с крыш, в которых слишком много свободы
и дали (как и на этом мосту). Ты отвечаешь: конечно, две, три
бутылки коньяка в день и это непрерывное опьянение...
И я вспоминаю,
как Снигиревская рассказывает: в юности
пережил несчастье в любви — с тех пор «мечтал
напиться и умереть. В конце концов
так и случилось».

* * *

Возможно, кто-то хочет, чтобы было больно, и я действительно испытываю боль. Прелюдия, фуга, интерлюдия, фуга, постлюдия. Это тоже фуга, только маленькая. Херувимы и серафимы, красненькие и синенъкие. Всегда есть вероятность сделать ошибку, зайти за алтарь / перекреститься в перчатке, так что теперь «небесный огонь пойдет по-другому», неправильно, и ты будешь наказан. Письмо будет отправлено не одному, а множеству адресатов, выделения после близости приобретут резкий неприятный запах, и еще полгода будет больно ходить. В переходе бездомные и лежачие, один перепрятывает из рукава в носок маленький сверток, озираясь (я стою за колонной). Меня скорее удивляет эта деловитость в самом красивом из них, которого я отличаю и высматриваю. Конечно, смотреть так на незнакомца было бы бес tactно. Но этот никогда не видит меня, поэтому это что-то вроде безответной любви, уже несколько лет. Иногда он пьет кофе утром, у большой витрины в кафе. Не знаю, как ему удалось обмануть их, красных и коричневых, покрытых кожурой (он никогда не пахнет, всегда с ясным лицом), избежать телесного наказания. «Не умер, но отделился», — скажет Арто, — а Кафкина собака сказала бы: «выломился из обычного порядка вещей, и все было тихо».